

Глава 1

Она нависает над ним бледной холодной тенью – тонкая, почти прозрачная, Рукия смотрит взглядом бесконечности в его осенние глаза и не говорит ничего. В её молчании он слышит гораздо больше, чем должен, и неловко склоняет голову, отводя взгляд. Она садится рядом, поправляет длинные тёмные волосы и смотрит в противоположную стену. Они заперты в стенах своей иллюзии, принуждают себя любить кого-то – вот и выходит, что страдают без конца, словно в чём-то виноваты.

Он помнит, она говорила *«Пойдём вместе»*, прежде чем раствориться утренним туманом – он качал головой, говорил тихое и скупое *«Нет»* и почти не чувствовал сожалений – врал, словно последний лжец. Врал, а после хватался за сдавленный прозрачный воздух, кричал в пустоту, но не мог вернуть всё назад – Рукия Кучики принадлежала Сообществу Душ, Ичиго Куросаки принадлежал Каракуре.

Он любил бессовестно и слишком пылко, боялся сломать её тонкие, почти прозрачные крылья, боялся навязаться и лишний раз рядом вздохнуть. Он любил – в этом было его сумасшествие, главный порок, пугающая черта. Ради этой любви он был готов отказаться от собственной силы, готов отказаться от прошлого и мира людей, готов сломать чьи-то жизни – что-то внутри воспротивилось этому, назвало всё глупым эгоизмом и заставило вмиг замолчать – чувства рвали его грудную клетку лоскутами, искалеченной плотью, сломанными костями. Там, у него внутри, не было бабочек – осколки стекла и несколько литров крови; осколки стекла и разбитые вдребезги надежды. Он это понимал и быстро отступил – оступился тут же, упал с воображаемой лестницы и больше не смог подняться – Рукия была так близко и, в то же время, далеко – ждала его на третьей ступеньке, но не могла обернуться.

Иноуэ протянула ему раскрытую ладонь, отряхнула спину и мазано чмокнула в лоб – *«Куросаки-кун, можешь сходить со мной на рынок?»*, *«Куросаки-кун, мне нужно прибить полку...»*, *«Куросаки-кун!»*, *«Куросаки-кун»*. Так по-разному и одинаково – совсем не похоже на ровное и иногда раздражённое *«Ичиго»* Рукии. И ему от этого легче.

Лёгкая улыбка Орихиме стала для него отдушиной – *«Я выйду за тебя, Куросаки-кун, конечно выйду»* повторялось десятком раз прозрачно-цветочным голосом в глубине весеннего сада их душ. Повторялось – он желал слышать это от кого-то другого, но уже не мог признаться в этом миру и себе.

С Орихиме было легко и сложно одновременно – она уже любила и требовала любви в ответ, смотрела пронзительно в глаза и не терпела его молчания, стараясь то и дело разговорить без причины. Ему это не нравилось – она уходила к тогда ещё маленькому сыну, показательно закрывала за собой дверь и, после полуночи, тенью прокрадывалась в их спальню, чтобы прижаться к его спине. Она всегда любила и в этом была её слабость – прощала, надеялась, верила и плакала ночами, когда он всё же убивал редких пустых в черте города. Он не хотел этого видеть – Иноуэ всегда была сильной, запредельно сильной женщиной, хорошей матерью и домохозяйкой, старалась быть прекрасной женой, но обрывалась на половине мысли – смотрела на него и замолкала.

«Я понимаю, Куросаки-кун...»

Он почти никогда не спал – думал о том, какой ужасный муж и отец, думал о том, что не может подарить Орихиме счастья, думал о многом, и это ранило его самого.

Она была слишком чувствительна, понимающая и добра – он боялся ранить её ещё больше, но довёл до слёз, едва только стояло Рукии, уже Абарай Рукии, прийти к ним домой. Потому что она понимала его чувства – он мечтал возвести тысячу стен вокруг своего непокорного сердца – и старалась принять. А он чувствовал себя жалким, когда она касалась его ночью, когда целовала, когда провожала на работу.

– Прости меня... – он обрывается и замолкает, даже не смотрит на женщину, к которой может коснуться, лишь протянув немного руку. Стена, разделяющая дом и внутренний двор, была разрушена ударом разгневанного Ренджи, которого Рукия едва выпроводила назад – без сил, без мыслей, она осталась в доме Куросаки, чтобы дожидаться своего восстановления. Дома её ждала крохотная дочь. Тут её держал Ичиго. И, словно так давно, она вновь оправлялась от истощения в его доме, вновь сидела с ним рядом вечером – вот только теперь пропал весь запал, который был раньше. Их встреча означала опустошение и холодную, липкую боль где-то в районе сердца.

– Я рада, что у тебя есть семья... – слова ей даются нелегко и голос звучит надломанно-гулким, едва различимым. Она не смотрит никуда, рассматривает свои руки и понимает то, что лишняя тут – Орихиме в слезах запирается в ванной, Ренджи рушит стену чужого дома, раздражённый невозможностью быстрой переправки пустого, она рушит жизнь Ичиго, и он сам утопает в проклятой любви.

Он лишь кивает – она остаётся бледной тенью, не так давно проснувшейся от длительного кошмара. Только недавно она не выходила из комнаты, впадала в истерику и не хотела никого видеть. Только недавно – прошло чуть больше года и она только-только начала нормально жить, понемногу восстанавливаться после тяжёлых родов и нервного срыва. Начала – вот только закончить ей не дал проклятый пустой, вновь обрётший их на встречу.

Она хотела его встретить ровно так же, как и он её – когда-нибудь позже. Когда она выздоровеет от своей любви и окрепнет, покажется ему красивой и взрослой женщиной, покажется ему мудрой и сильной шинигами. Не тенью. Не разбитыми чувствами.

Вот только их встречи необратимы, и им никогда не удастся этого избежать – скрывая за плотными масками чувства, они будут горько рыдать от любви где-то глубоко в душе – подчёркнуто мягкие, подчёркнуто вежливые. Подчёркнуто холодные и отстранённые. Они – живущие в вечной лжи.

Глава 2

Ичиго страдал – осень опадала сухими листьями деревьев, заканчивалась на желтой сгоревшей траве, первых морозах и холодном ветре, касающемся кожи. Он наблюдал за этим со стороны, замечал, пока вытряхивал футоны на балконе или отмывал окна от дождевых разводов. Иноуэ второй месяц оставалась в больнице – слабая, греющая лишь тонкими ладонями большой живот и желающая солнечного света вне белеющих больничных стен – искусственное освещение резало глаз, и она путалась в одеяле, пытаясь встать и пугаясь собственной непривычной беспомощности. Ему было жаль – рыжие волосы напоминали золотые нити и в осенних глазах он видел лишь нежность. Оттенки нежности. Море нежности. Всё то, в чём он, измученный уже жизнью в свои двадцать два, нуждался.

Вот только тепла Орихиме не могло хватать для жизни того, кому судьбою предписано остаться в мире мёртвых, принять судьбу Бога Смерти и забыть о мирских заботах – смотреть то ли с гордостью, то ли с печалью на собственного ребёнка с занпакто в руках; наблюдать застывшее для кого-то время в глубине взгляда и дыру в груди, от которой тянется длинная цепь – порвёшь, и лишишь возможности на призрачный Рай. Не могло хватать – она упрямо отдавала на это последние силы, улыбалась сладко и оставалась воплощением ранней тёплой осени в их квартире. Ичиго был благодарен – упрямое сердце строптиво отказывалось отзываться на её чувства, не дарило тепло в ответ, кричало о лживости и рисовало его мир красками вины.

Измученная собственной беременностью, слабая от крупного плода, Иноуэ держалась за жизнь и возможности – Куросаки был восхищён и боялся. Восхищён – Орихиме терпела и жила дальше, вынашивала общего ребёнка теплом под кончиками пальцев и улыбалась. Боялся – сквозь тонкую кожу просвещались вены, в уголках глаз замирали слёзы, вечность то и дело грозила остановить свой отсчёт. Для него за счастье была её улыбка – тонкая, невесомая, остающаяся лишь изгибом тонких губ – с ней он не чувствовал себя вечно виноватым, не воспринимал себя таким бесчувственным мужланом, забывал о собственной лжи и...

больше не пытался видеть в ней Рукию.

Ни оттенком кожи под розовым расцветающим небом, ни минутной улыбкой, выражением лица или положением рук. *Ничем.* Не всматривался в неё часами, чтобы найти хоть одно совпадение – крошечное, хрупкое, в едином моменте.

Он лишь радовался её улыбке – с ней Орихиме оставалась Орихиме, и он мог напоминать себе о том, что он счастливый муж этой земной принцессы, матери его будущего ребёнка, женщины, что должна была стать для него всем миром однажды. **Но не стала.**

Его мир был привычной идиллией – дома ждала Орихиме, горячий ужин и чистые выглаженные рубашки. Его мир был привычной идиллией – осыпался осколками и упал в момент. Он понял – неожиданно, как это бывает обычно – что это совсем не то, чего он хотел. Он привык к битвам, боли, ранам. Привык заботиться о других, и думать о себе в последнюю очередь. Привык быть спасителем и светом в неравных битвах. Привык – и как-то забыл об этом, как и забыл о своём мече или тёмном наряде шинигами. Это всё осталось там, в прошлом и недостижимом – как и Рукия, Общество Душ и защита людей от пустых. Он пытался походить на обычного, не обременённого взглядом на эту сторону человечества, мужчину – работал, приходил в уютный дом, целовал в щёку красавицу-жену и вместе с ней выбирал имя для общего сына, которого она носила под сердцем, пока он знал, чувствовал – в её чреве зарождён

маленький шинигами, кровь от крови его и её улыбка. И эта мысль медленно рушила привычный уклад – он видел угасающую Орихиме, целовал тонкие бледные пальцы и надеялся, что она сможет вытерпеть – она сильная, она не беспомощная, у неё негибачаемый стержень где-то в районе сердца и вечная вера в человечество. Орихиме сильная – его жизнь абсолютно порушена крохотным теплом в глубине её чрева. Орихиме сильная – её сила напоминает ему о том, от чего он так старательно убегает.

Жизнь стремительно набирала обороты с каждым днём жизни – забывалось детство, юность, прошлое. Не забывалась Рукия, которую он встретил однажды в собственном доме, ведомую то ли его запахом, то ли запахом пустого. Это надламывало его веру в правильность выбора, позволяя встречному ветру прогибать его под себя – объятиями Орихиме, её нежностью, заботой и полным любви взглядом.

Ичиго страдал – приносил в больницу букеты цветов, и с нежностью касался большого живота жены, в котором теплилась маленькая жизнь – её, его, их ребёнок. Ребёнок, который разбил осколками привычный уклад его жизни. Сын, заставивший его веру в правильность однажды принятого решения пошатнуться.

Глава 3

Ичиго всматривается в карие глаза Казуи и не понимает, что тот перенял от него – большие наивные глаза, мягкая улыбка, даже прожженные золотом волосы – всё от Иноуэ. Он видит светлую, тёплую нежность в сыне, видит в нём отражение жены и даже занпакто шинигами не отгоняет от него стойкий тонкий образ – в его сыне слишком много мягкой женственной нежности, в его сыне слишком много его жены и критически мало его. Может – думает он и тут же замолкает на половине мысли, поражённый и напуганный собой – его мёртвая дочь, принадлежащая Обществу Душ, была бы больше на него похожа – стойкая, сильная, целеустремлённая и источающая источник неугасимой энергии. Может – думает он и тут же замолкает на половине мысли, поражённый и напуганный собой – Рукия была бы ему лучшей, немного жестокой и слишком сильной, женой. Может – весь его мир состоит из таких мыслей, и через их призму, через их полотно он уже едва различает тонкие контуры Иноуэ и Казуи. Они засвечены его сомнениями и страхами. Они слишком далеки и Ичиго боится, что, однажды, потеряет их – Иноуэ неслышно покинет их дом с сыном на руках, пока он будет на работе, легко и просто снимет золотое кольцо с безымянного пальца и улыбнётся – нежно и понимающе. Он знает – у неё впереди будет вся жизнь и миллион возможностей, потому что там, под горячей плотью, в её грудной клетке, спрятано доброе и сильное сердце. Он знает – сердце больно сжимает и приходится отгонять от себя все мысли и догадки, отгонять противные «*может*» и видеть в Казуи своего наследника, видеть в Иноуэ единственную возможную жену. Видеть – стараться увидеть.

Тонкая, словно созданная из тонких цветочных лепестков, нежная и трепетная, Орихиме улыбается ему и готовится принять для себя новый мир – у неё нежная, мягкая, чуть влажная после душа кожа и горячие чувства во взгляде и улыбке. Тонкие бретельки персиковой ночнушки сползают с худых плеч, ткань немного съезжает с груди и замирает, придерживаемая тонкой рукой. Он видит в слабом свете ночника её волосы, отдающие золотом, видит смущённо отведённый взгляд, видит румянец на щеках и не знает, стоит ли им продолжать – у него перед глазами тонкая, хрупкая, маленькая шинигами, и в длинных тёмных волосах путается свет, утопает в отблесках её глаз и растворяется на бледной, словно Луна дарит ей все свои поцелуи, коже. Видит – моргает, отгоняя наваждение и стараясь о нём забыть. Но перед глазами упрямо остаётся не милая принцесса Орихиме – сильная и хрупкая Рукия, высматривающая слабости в его взгляде. Это рушит планы смущённой звёздной ночи, рушит их почти привычный уклад жизни, рушит его сердце.

– Прости, Орихиме, не сегодня. Я так устал на работе... – он неловко улыбается и закрывает глаза, целуя её в лоб. На миг ему мерещатся тёмные волосы, на миг ему мерещатся холодные тёмные глаза, всего на миг он видит перед собой не свою жену – Рукию, с тонкого тела которой сползает персиковая ночнушка. На миг – он радуется и тут же умирает, разбитый на осколки.

Иноуэ понимающе кивает и выключает ночник – у него много работы, он старается ради их семьи, им лучше отдохнуть. **Друг от друга** – она не может в этом признаться и лишь обнимает

его, прежде чем забыться беспокойным сном, в котором весь мир вокруг подарен вечной ночи, и маленькая шинигами гуляет по улицам сонного города в платье цвета крови, сжимая маленькой ладонью большую, уже огрубелую руку не своего мужа – Куросаки Ичиго. Кажется, у них будет ещё миллион совместных ночей и несколько милых детишек, похожих – обязательно и только так – на неё. Как и Казуи, они будут смотреть полным нежности взглядом, понимающе кивать, согревать своими объятиями и делать мир светлее. Как и Казуи – она надеется, и тихо добавляет: – **но не шинигами**. Она не хочет больше связей с прошлым, но им не удаётся оборвать нити, плетущиеся от самой юности – она буквально видит красную нить между Ичиго и Рукией, видит и мечтает сжечь её. **Красный – удел шинигами**. Казуи тонет в этом цвете, он красуется на пальце её мужа и в волосах Ренджи. У Орихиме нет красных вещей – волосы рыжие, румянец скорее бледно-розовый, платья лёгкие и светлые. У Орихиме нет красных вещей – она вздыхает и обжигается. У неё нет красных вещей – заколки в волосах синие, как цветы на обеденном столе, и любимое платье цвета фиалок. Мир сам ей говорит обо всём – она закрывает осенние глаза, закрывает ладонями уши, закрывает своё сердце от отчётливо громких слов – улыбается нежно Ичиго, гладит рыжие волосы Казуи и думает о будущем, в котором не существует их юности. Не существует Общества Душ, шинигами, пустых и реяцу. Не существует Кучики Рукии, Абарай Рукии.

У Орихиме нет красных вещей, но есть чистое доброе сердце – Ичиго знает об этом и прекращает всматриваться в глаза сына. У Орихиме нет красных вещей, но есть чистое доброе сердце – кажется, оно давно исписано трещинами и бьётся лишь ради семьи. У Орихиме нет красных вещей, но есть чистое доброе сердце – оно предательски слышит слова мира о том, что связанные красной нитью однажды, они обязательно встретятся вновь, чтобы не разлучиться более.

Глава 4

Она улыбается – тысячей рассветов и нелепым букетом полевых цветов на подоконнике. Улыбается – его мир замирает и гаснет, растворяется всё сильнее с каждым ударом горячего сердца. В глазах Ичиги – надежда, в глазах Исиды – укор и отражение слёз Орихиме. Хрупкой, бесконечно нежной Орихиме, что отдала ему всю себя и жизнь, в обмен не прося ничего, выгревая руками их общего ребёнка и стирая тыльной стороной ладони слёзы с порозовевших щёк. Они скатываются и замирают в уголках губ, а она лишь кивает – понимает и прощает тысячу раз, пряча все тревоги за улыбкой. Иноуэ добрая – ей хватит сил простить его. Иноуэ добрая – она не питает надежд на горячую и вечную любовь, радуется каждому проведённому вместе моменту и плачет тихо ночами, когда он не слышит, не знает. Урю уверяет – улыбка бывшей Кучики дарована не ему, Ичиги – мужу, в волосах которого застыла кровь; у него в жизни уже есть тонкая принцесса Орихиме и большего ему просить не надо; он должен отвернуться, закрыть глаза и уши, забыть её лицо. Уверяет – он достаточно упрям, чтобы не верить; достаточно силен, чтобы смириться с этим; достаточно окрылён, чтобы просто мечтать. По-хорошему ему бы стоило отвернуться, закрыть глаза и уши, забыть её лицо и не вспоминать никогда – вот только на это он больше не способен, смотрит зачаровано на её улыбку в цветении вишни и думает о том, что мир хоть на момент – прекрасен. Он забыл об этом как-то – устало перещёлкивая каналы телевизора, поздно возвращаясь домой с рутинной работы, привычно целуя в щёку жену и глядя по голове сына. Забыл, когда всё счастье растворилось в серых, безыскусных, ничем не привлекательных моментах, которые он искренне, насколько это вообще возможно, ненавидел. Иноуэ не была центром его вселенной, Казуи не стал смыслом жизни, Каракура не осталась ближе и роднее Общества Душ. Однажды всё перевернулось и больше не станет таким, как прежде – он понимает, и наслаждается осколками воспоминаний.

Куросаки смотрит на давнюю подругу не то влюблено, не то восхищённо, касается светлой кожи кончиками пальцев и спрашивает, как там её дочь – у Ичики непревзойдённая сила, у Ичики непревзойдённая реяцу. Ичика могла быть его дочерью – надежда на это лопнула мыльным пузырьём, растворилась, исчезла – Ичика была и есть дочерью Ренджи, у неё в крови нестигаемая воля и сила Бога. Ичика – не его дочь, и Рукия ему совсем не жена – может быть, если бы он не оступился на той половине шага, то всё было бы иначе – но Абарай гладит скрытую за тонким шелком кимоно спину жены, улыбается дочери и не видит проблем. У него, Ичиги, кипящий котёл вместо чувств – он видит и чувствует практически осязаемые алые нити между ним и маленькой Богиней, понимает, что их нужно оборвать, но смотрит с горячей нежностью в осенних глазах. Он обещает себе, что прекратит, лишь немного позволив себе эту минутную слабость. Сладкую, слишком прочно закрепившуюся в его мыслях слабость – прикосновения к Рукии, мысли о Рукии, робкие взгляды украдкой. Всё то, что украдено у него временем – он позволит себе сейчас на пару минут, и забудет. Обязательно.

– Ичика поступила в Академию, у неё хорошие результаты и ей предвидят великое будущее, Ичиги... А как у вас, с Иноуэ, дела?

В глазах Рукии – вечерний Руконгай, покрашенное красным небо, слабая дымка туч и яркие

первые звезды. В глазах Рукии – его мир, и он счастлив в той же мере, в которой и печален. В глазах Рукии его мир, и он замирает, оступается, падает лицом в пыльную дорогу. Он навещает Руконгай впервые за, наверное, два года – его встречает усталая Рукия в непривычном тонком кимоно, стоящая прямо на границе, за воротами, и лоящая последние лучи заката. Он вздыхает – в её глазах целый мир и она совсем не изменилась, в отличии от него. Поэтому они садятся под ближайшее дерево, что раскидывается вокруг длинными ветвями, и молчат – разговор для них может послужить началом всего или поставить жирную точку в незаконченном предложении. Куросаки боится обоих исходов – вздрагивает, стоит ей улыбнуться и спросить о жене – в его мыслях нет жены. В его мыслях всё, но только не Орихиме – не она, нет, никогда не она. Он не хочет испытывать перед ней стыд и замирает, падая лицом в пыльную дорогу от увесистого удара в спину.

В глазах Рукии его мир – он глотает слёзы и больше не может до неё дотянуться. На хрупком бледном плече рука Ренджи сильная и властная, на безымянном пальце золотая полоска и улыбка наляпистая, нелепая. Рукия счастлива – думает он и ошибается. Рукия счастлива – в глазах Ичики тысяча надежд и ещё больше возможностей. Рукия счастлива – несчастно смотрит в спину своего героя, и не может найти спасения. Рукия счастлива – он знает, что нет, знает и больше не может переписать историю. Знает – сердце разваливается хрустящими липкими осколками, оседая где-то на дне желудка. Рукия несчастна, он – тоже.

– У нас всё хорошо, Рукия. Думаю, осенью мы переберёмся в дом побольше и этот продадим – Казуи нужно больше места для тренировок, да и, кто знает, может и ещё дети однажды будут...

Он неловко улыбается и слышит одобрение Ренджи – чувствует, как Абарай Рукия прожигает в нём дыру, не оставляя живого места; слышит, как покрывается тонкой коркой льда её плачущее сердце.

Всё правильно – у них всё хорошо и по-другому быть не может. Они счастливы. Они не могут быть несчастны в жизни, в которой сами выбрали свою судьбу.

Глава 5

Рождённые в тлеющих красках когда-то прекрасного рассвета, они не имеют права осуждать кого-то – грешны, Боже, и в этом прекрасны. Их любовь начинается со случайной встречи, удара в некогда сильное сердце мечом, обезображенных лиц потерянных душ. Их любовь не имеет конца – ни в нежности Орихиме, ни в надеждах Ренджи. Они продолжают вить свою длинную алую нить, тянуть её к самому небу – Рукия давно мертва, Ичиго слишком жив. Такие чувства против правил – время Рукии то и дело желает застыть, раствориться в пространстве, стать чем-то неестественным и невесомым; Ичиго стареет в согласии с человеческими правилами, черты его истончаются и грубеют, в волосах однажды зарождается снежная пелена, и в осенних глазах белесая плёнка. Ичиго стареет – время безжалостно к когда-то временному шинигами, время не смотрит на его заслуги, время забирает его силы. Ичиго стареет, и Рукия бессильно пытается ему помочь, прежде чем опустить руки – он стареет, а её время тянется медленной кинолентой длиной в тысячи километров.

Казуи смеётся, сидя на руках отца – у него улыбка нежная, подобная улыбке Иноуэ и рвущая его душу на части. Ичиго смотрит на него – тёплого, живого, важного в своей форме, и не узнаёт себя – слишком нежный, слишком тёплый, слишком... весь в Орихиме. Она может вязать радужный свитер на зиму, напевая известную ей одной песню, и забывать обо всём – сын, бывало, тоже склоняется к этому. В его янтарных, переполненных светом глазах Ичиго видит россыпи тепла, горячие дождевые капли, смех лужицами на полу сознания. Не видит острых граней, отблесков мечей, его упорства. Всматривается – будто вдруг слепнет, теряя всё. Казуи невесомая сладкая вата, мягкий кекс, молочная пенка – совсем не забытые под осенним дождём острые мечи, совсем не резкий, пробирающий до костей ветер. Совсем не Ичиго – понимание, что сын точь в точь жена бьёт по вискам резким и болезненным осознанием, взволнованным трепетом под тонкой плёнкой кожи. Там, под нежностью и мягкостью, под лёгкостью невесомых облаков – взрослый Казуи похож на отца улыбкой, пламенем в хрупкой душе, надеждой и силой воли. Там – взгляд Куросаки не достигает затаённого уголка мира, будущего, души сына. Ичиго стареет, Казуи взрослеет – осознание этого заставляет искать зацепки во всём. Он старается найти нить, что свяжет его с жизнью дольше отведённого строка – Казуи взрослеет с чертами Иноуэ, и осознание этого наводит на него ужас. Линия жизни Орихиме удлиняется, тянется тонкими нитями вперёд, прорастает в вечность жизнью Казуи – он радуется за жену и пугается одновременно.

Отводя сына в школу пятничным утром, пока тяжёлые капли замирают на ткани зонта, он замечает – краешком взгляда, тенью тонкой фигуры – спешащую куда-то Рукию. Тонкую, бледную, в лёгком светлом платье под длинными тёмными нитями-волосами. Она неестественно очаровательна, и он задерживает дыхание на секунду, пока она не пропадает из поля зрения – растворяется в шуме усиливающегося ветра и дождя, пропадает миражом жаркой пустыни – время Ичиго ускоряет ход и топит сознание в ливне будничной серости. Он старается не думать о том, почему она не в форме шинигами и зачем пришла в Каракуру – мысли врываются грязно-серыми птицами в сознание, и он едва в силах их отогнать. Это жизнь Рукии и её дела – хрупкая шинигами вправе делать то, что ей нужно – он помнит это, принимает это – руки чешутся обнять её, прижать к себе ближе, топя в своём тепле.

Дома Орихиме предлагает ему чай и сладкое рассыпчатое печенье, секундно целует в тонкие холодные губы, нежно улыбается и, касаясь ладонью живота, говорит о том, что у них скоро вновь будет ребёнок. Она по-домашнему милая и уютная в своём желтом платье и светлом фартуке, она вызывает у него тёплые чувства, но её слова заставляют обмереть – рождение Казуи для него было испытанием – в какой-то мере счастливым, но испытанием. Второго ребёнка, он уверен точно, они потянуть не смогут, и однажды сказанные Рукие слова были брошены для того, чтобы скрыть тянущее, ноющее, сосущее под ложечкой разочарование – горькое, как сама жизнь, и настолько же мучительное.

Мир вдруг обрушивается кусками тяжелого неба, Солнце гаснет за пеленой туч и дождь отчётливо бьёт по тонкому стеклу в оконных створках. Ичиго почти чувствует его влажные прикосновения к стеклу, почти чувствует такт каждого прикосновения и, хватая воздух ртом, отгоняет тяжёлые мысли от себя.

– Если ты хочешь, конечно... – она улыбается, и он тяжело вздыхает – жена говорит о желании родить второго ребёнка в своей странной манере, и он понимает, что к этому совсем, совсем-совсем-совсем, не готов.

Потому, что этот ребёнок навечно свяжет его с ложью ещё крепче – стянет её тиски до фиолетовых пятен.

Глава 6

Тяжёлый ярко-красный закат изрисовал небо воздушными рваными линиями, прерываясь и вновь возникая у линии горизонта. Шумный город-муравейник жил своей вечной жизнью, зажигая яркие фонари и опалая ярким неоновым светом крылья бабочек и мотыльков. Такая жизнь уже давно опостылела Ичиго – он не помнил, когда и зачем приехал в крикливый столичный Токио, не считал уже нужным заботиться о чём-то и просто сбегал – от клиники, от прошлого, от Орихиме с её желанием родить второго ребёнка. Тут, смотря на бессчётное количество людей в одинаковых костюмах и с одинаковыми лицами, он понимал, что всегда стремился к чему-то другому – ему нравилась утренняя прохлада, роса на островках травы, дождь, обжигающий его израненное тело. Он чувствовал себя победителем в тёмной форме шинигами, но отравился огненным ликорисом – Орихиме стала его ядовитой привычкой, отступом, чем-то, обо что обязательно стоит обжечься прежде, чем забыть о рушащей кварталах силе. Он отбросил меч и старую форму, распрощался с Рукией и обществом душ, попытался стать обычным человеком – сбегал от такой жизни, стояло лишь жене заговорить о ребёнке; сбегал от такой жизни, обнимая Рукию и утыкаясь носом ей в макушку – она пахла чем-то холодным и невесомым, смесью трав и лёгких цветов, ранней весной. Ему нравилось – она готовила ему завтрак утром, встречала с работы и, в целом, походила на молодую жену, заботящуюся о муже. Вот только его жена оставалась в Каракуре, а он продолжал прятаться и рисовать свои лживые минуты счастья – Ренджи однажды всё понял, принял и отпустил, неловко признаваясь о том, что давно подозревал их чувства. Ренджи понял, вот только Орихиме так сделать не сможет – она обнимет его радостно, болезненно, и он почувствует запах сладких свежих ватрушек, чайной заварки и приторных цветов перед их домом. Орихиме будет радостно щебетать об успехах Казуи, делиться планами на будущее и навязчиво показывать крошечную одежду для новорождённых. Орихиме будет пытаться заставить его забыть обо всём, обмануться иллюзией их счастья, поверить в любовь и идиллию – она не отпустит, не сможет опустить руки и, с полуулыбкой на тонких губах, простить. Орихиме не такая и за все старания и верность, заслужила любви в ответ – жаль, Ичиго дать её не может.

Ему ведь никогда не нравилась серая спокойная жизнь – он отмахнулся от предложенной соседом по лестничной клетке сигареты, отгоняя от себя удушливый дым, и опустился на холодный пол балкона, закрывая руками лицо. Орихиме звонила ему час назад – она хочет, чтобы он приехал, она настаивает на его приезде, она просит поспешить в то время, как он совсем не хочет – Рукия что-то сосредоточено читает в гостиной, перелистывая тонкие пропечатанные страницы и убирая за ухо прядь длинных тёмных волосах – в них отбиваются редкие, едва проникающие сквозь занавески солнечные лучи.

«Что с нами стало, Ичиго?..»

В его воспоминаниях Рукия сварливо била его по голове, шипела и наставительно объясняла какие-то правила. В реальности она оказалась измученной и тонкой шинигами, в жизнь которой с секунды на секунду могла забраться болезнь – вены под тонкой кожей исписали её руки линиями, глаза давно покраснели от недосыпа и усталости, голос сорвался шёпотом сухой листвы. Она смотрела на закат и грозилась вот-вот оборвать свою жизнь – касалась тонких прутьев ведущего в никуда балкона, опасно наклоняясь вперёд. Внизу –

десять этажей, убийственная высота и странное желание Куросаки иметь тот самый балкон с металлическими прутьями вместо сплошной стены. Он ведь почти никогда им не пользовался, предпочитая закрывать на ключ ведущую к нему дверь – жизнь изменилась, когда Рукия постучала в его дверь – он планировал сменить металлические линии толстой стеной, пока Кучики увлечённо выбирала цветущие круглый год цветы в тяжёлых горшках.

Она наклонялась вперёд, и её улыбка таяла – внизу ходили люди, семьи, и их жизнь не была омрачена разными сторонами мира. Она наклонялась вперёд, чтобы после, вздохнув, взъерошить его волосы и предложить пойти по магазинам – в её глазах оставалась печаль и россыпи звёзд.

Он любил тишину, и прятаться от жизни – вплетал пальцы в медные волосы и закрывал глаза перед жизнью, которой для него уже давно нет – ничего нет. Дни в Токио тянулись медленно и размыто, он уходил на работу в восемь утра и возвращался в семь вечера – был обычным офисным планктоном в ничем не примечательной компании, пусть ставка и была на порядок выше той, которую он получал в Каракуре – лениво врал Иноуэ о занятости, и обещал приехать в отпуск, накопить достаточно денег, чтобы они могли переехать куда-нибудь подальше от их прошлого. Он прекрасно видел отвращение и ужас на лице жены, когда Казуи впервые появился в форме шинигами – он знал, понимал, что она боится прошлого, боится, что однажды и сам Ичиго вот так облачится в форму, возьмёт в руки меч и пропадёт утренним туманом – подле него будет стоять хрупкая Рукия, будь она хоть тысячу раз замужем, а сама Орихиме остаётся одна в их доме – будет считать паутины трещин на потолке, готовить горячий ужин для сына и стареть. Вот только её страхи оправдались, стоило лишь Ичиго прожить в проклятом Токио две недели, свыкнуться с городом и втянуться в работу – Рукия постучала в его дверь, улыбнулась и шагнула в дверной проём, отпихивая его в сторону – в её руках была лишь небольшая сумка необходимых вещей, пакет с продуктами и старая, зашитая уже тысячу раз игрушка найденного на помойке льва. Она была слишком непринуждённой, чтобы легко и просто ответить соседке-старушке «*Я его жена*», поправить светло-голубое платье до колен, собрать волосы в хвост и спросить, что он хочет на ужин, всматриваясь в шумный город спросить, что же с ними стало, поправляя его рубашку спросить, понравился ли обед.

Его жизнь сменилась слишком быстро, Иноуэ хотела уже невозможного для него возвращения и каждую ночь под боком спала прощённая Рукия – при редких встречах Абарай улыбался и говорил, что всё понимает и им не стоит извиняться. Он сам растил проворную и талантливую Ичику, улыбался миру и просил сделать темноволосую шинигами счастливой. Между ними, впрочем, никогда не было красных нитей – они связывали сотней узлов Куросаки и Кучики, сотней жизней Ичиго и Рукию, сотней смертей мужчину и женщину.

Смотря на тяжёлый ярко-красный закат в шумном, пронизанном неоновым светом Токио, Ичиго точно знал, что сейчас жизнь хоть немного счастлива. Немного удалась. На верхней полке шкафа лежит его тёмная форма шинигами, к стене прислонены два, блестящие начищенной ровной металлической поверхностью лезвия, меча, и в гостиной что-то увлечённо читает Рукия.

«Что с нами стало?.. Мы позволили себе начать жизнь по-новому, Рукия...»

Страница книги Послословием в интернете